

О дилетантизме в науке

Б. Л. БОГАЕВСКИЙ. Орудия производства и домашние животные Триполья. Соцэкгиз, Л. 1937.

Книга проф. Б. Л. Богаевского «Орудия производства и домашние животные Триполья» содержит преимущественно археологический материал из музеев СССР и за границы, знакомящий с техникой и животноводством на территории УССР и Юго-восточной Европы за пять тысяч лет до наших дней (около 3000—1500 гг. до н. э.). Книга предназначена «для археологов, историков доклассового общества, а также для лиц, занимающихся историей техники и историей происхождения домашних животных» — такая характеристика дана редакцией книге Б. Л. Богаевского на титульном листе ее (отв. редактор О. Крюгер).

Достоинством книги Б. Л. Богаевского, — пожалуй, единственным, — является та откровенность, с которой автор рассказывает об источниках своих сведений о Триполье. Это, прежде всего, по его словам: «значительное число весьма интересных и содержащих ряд бесспорно ценных наблюдений и остроумных положений работ, без которых нельзя обойтись при изучении так называемой трипольской культуры, отношение к которой авторов этих работ нас особенно интересует в настоящей статье» (стр. 7). Источники эти — зарубежная археологическая литература, появившаяся за последние годы за границей. Это работы: в Англии — Чайлда, в Швеции — Андерсона, в Германии — Вильке, Шухардта и Губерта Шмидта, в Румынии — Шроллера и Лашло, в Австрии — Менгина и Иенни, в Праге — Чикаленко, в Польше — Козловского, и ряда других западноевропейских исследователей — Роска, Нестора, Андриеску, Думитреску, Томпа (стр. 8), работавших не над собственными трипольскими материалами, а над зарубежными аналогиями Триполья. При включении же Трипольской культуры в свои обобщения эти западноевропейские археологи пользовались в качестве первоисточника устаревшими публикациями раскопок В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна (1898—1902 гг.).

Таким образом, советский читатель получает от Б. Л. Богаевского весьма сомнительный и притом устаревший материал Хвойко и Штерна, получает уже из третьих рук. За истекшие после раскопок Хвойко и Штерна 35 лет на Украине раскопано огромное количество памятников Трипольской культуры, причем особенно значительный вклад в науку о Триполье сделан советскими археологами. Но из всей этой сокровищницы Б. Л. Богаевский пользуется, кроме некоторых изданных материалов, одной лишь рукописью отчета С. С. Гамченко о его старых раскопках в 1909 г. в Подольской губ., все же прочие отечественные первоисточники игнорируются. Их проф. Б. Л. Богаевский не изучал никогда и даже не потрудился ознакомиться с их содержанием, когда писал свою книгу. Поэтому мы с изумлением узнаем от него: «положение о культуре расписной керамики все же мало изменилось за 60 лет существования этого вопроса за границей и свыше 35 лет работы по Триполью у нас» (стр. 10).

На фоне тех достижений, которые имеет советская археология в деле изучения Триполья, это утверждение Б. Л. Богаевского звучит просто клеветой на нашу науку. Однако изумление читателя достигает крайнего предела, когда он узнает, что автор не счел нужным лично проработать хотя бы те древности из раскопок Хвойко и Штерна, которые он описывает в своей книге. Ведь нельзя же принимать всерьез хотя бы такую декларацию автора: «К сожалению, таблицы (Хвойко. — Т. II.) не сопровождаются рисунками и эскизами орудий, нет их плана, профиля и сечения, а также отсутствует точное обозначение материала, из которого сделано орудие» (стр. 17). Можно подумать, что подлинные коллекции Хвойко, Штерна и Гамченко почему-либо недоступны для изучения, когда на самом деле они хранятся в музеях УССР, Москвы и Ленинграда, и достаточно было бы Б. Л. Богаевскому потратить несколько часов, чтобы, заглянув хотя бы в ленинградские музеи, узнать и профиль, и тип, и «материал, из которого сделано орудие». Остались неизученными и богатейшие трипольские коллекции в музеях Киева (стр. 17) и Одессы (прим. 5, стр. 253).

При таком отношении автора к первоисточникам становится понятным, почему мы встречаем в его книге сорокалетней давности описания и определения вещей (со слов Хвойко и Гамченко), как, например: «шарик с апельсин» (стр. 22), или «шарообразный камень с человеческую голову» (стр. 22), или каменные «двушария», «двукубия», «куранты» (стр. 33), или предметы, «напоминающие хлебец или овальную лепешку» (стр. 34), и т. п.

Таких определений при современном состоянии археологических знаний не может применять археолог, даже неквалифицированный. А поскольку автор отмахнулся

от изучения конкретного фактического материала, он не мог избежать ряда грубейших ошибок: медные топоры и рыболовные крючки Триполья приобретают у Б. Л. Богаевского магическую силу (стр. 64), а роговые и костяные мотыги превращаются в молотки (стр. 91, рис. 45), костяные рукоятки — в кинжалы (стр. 71, рис. 21).

Любопытной особенностью книги Б. Л. Богаевского следует считать тот факт, что автор, не раскопав сам ни одного трипольского памятника (когда их раскопано сотни), не обработав сам ни одной из трипольских коллекций в советских музеях (где хранится основной материал по Триполью) и игнорируя работы советских археологов, сумел написать книгу в 19 $\frac{1}{2}$ печ. листов о Трипольской культуре. Откладывая пока детальный разбор книги на основе конкретных археологических фактов, я в настоящей заметке считаю необходимым предупредить советских историков, которые пожелают воспользоваться книгой Б. Л. Богаевского, что эта книга отнюдь не археологическая, несмотря на весь ее внешний обманчивый облик. Дело в том, что автор усиленно старается сойти за археолога, описывая подробно орудия Триполья и их назначение (стр. 15—143) и даже изображая себя делающим археологические открытия. Так, на стр. 144 мы узнаем от автора, что в музее Маевского в Варшаве, при осмотре керамического материала и раскопок Гимнера в Попудне и Пьянишкове, он будто бы сделал два открытия: 1) определил расписной сосуд, как происходящий из Пьянишкова, тогда как Козловский издал его, как найденный в Попудне (стр. 155), 2) особо выделил до сих пор неизвестные биноклевидные сосуды из Пьянишкова. Расписной сосуд Б. Л. Богаевский «открыл» в одной из витрин музея, а биноклевидный находился в музее «в шкафу 65 на второй полке снизу» (стр. 156). Оба эти сосуда, по мнению Б. Л. Богаевского, он впервые отмечает, как происходящие из Пьянишкова (расписной сосуд даже будто бы печатается им впервые, табл. VI). Однако «открытия» Б. Л. Богаевского не более как плоды его воображения, ибо все эти наблюдения были уже известны по работе Гимнера, где они изданы на табл. XIX и XXX в XIV томе польского журнала «Swiatowit» (M. H i m n e r, Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après fouilles personnelles, Warszawa, 1933). Кстати сказать, работа эта была известна и самому Б. Л. Богаевскому, так как он неоднократно ссылается на нее (стр. 144, 150 и 193).

Всецело за счет игры воображения автора должны мы отнести и разделение им трипольских «площадок» по размерам их, так как ни Хвойко, ни Штерн, ни Гамченко не раскапывали ни одной «площадки» целиком, но Б. Л. Богаевский, повидимому, где-то слышал, что «площадки» бывают большие и маленькие, и потому, несмотря на отсутствие обмеров, он совершенно произвольно выделяет «площадки большие», «средние» и «малые». Так, например, в составленной им таблице II, в разделе «Раннее Триполье», перечислены «большие площадки», открытые в Криничках, Кадиевцах и Кудринцах. Между тем: 1) в Криничках из 15 открытых Гамченко «площадок» ни для одной неизвестны размеры, что отмечает и сам Б. Л. Богаевский (стр. 44); 2) в Кадиевцах были произведены раскопки всего 65 кв. м, и размеров «площадки» не дано, но из указанной площади самого раскопа мы уже имеем возможность сделать заключение, что «площадка» в Кадиевцах не была значительной по размерам (в настоящее время нам известны действительно большие «площадки» — 100—120 кв. м); 3) что касается Кудринцев, то Кудринцевская коллекция Триполья связана не с раскопками, а со случайными находками, и о каких-либо размерах для данного памятника говорить не приходится.

Читатель книги Б. Л. Богаевского должен быть предупрежден также о том, что порочный сам по себе способ писать о советских древностях на основании зарубежной литературы принес исключительно вредный результат. Не владея нашими археологическими материалами, говорящими о конкретных исторических фактах Трипольской культуры, Б. Л. Богаевский, само собой разумеется, не был в состоянии (если даже хотел этого) критически преодолеть и обезвредить концепции западноевропейских ученых. И, конечно, не мог противопоставить им свои о б о с н о в а н н ы е о б о б щ е н и я, хотя на первый взгляд может показаться, что вся книга наполнена полемикой с зарубежными археологами. На самом деле Б. Л. Богаевский путем оговорок, рассыпанных в книге, неоднократно отказывается от собственных утверждений и механически переносит наблюдения и обобщения западноевропейских ученых на материалы нашего Триполья. Так, сведя данные «редких», — как пишет Б. Л. Богаевский, — до сих пор работ по исследованию археологического материала, основанного на стратиграфии раскопок», работ западноевропейских исследователей Шроллера, Роска, Лашло, Томпа и др. (стр. 9), Б. Л. Богаевский составляет таблицу (I), отражающую «формально-типологическое распределение культур расписной керамики в Румынии, Венгрии и Фессалии» (стр. 9), и затем делает ряд выводов, которые кладет в основу собственных построений (табл. II), характеризующих «два основных этапа развития родового общества на юге СССР» (стр. 9). Последняя таблица непосредственно вытекает из первой

и потому является такой же голой социологизаторской схемой, с перепутанной к тому же хронологией развития Триполья (переставлены культуры: А на место Б и Б на место А; и здесь автор следует Хвойко).

Необходимо предупредить читателя также и о том, что, несмотря на цитаты из Маркса и Энгельса, от марксизма работа Б. Л. Богаевского столь же далека, сколь и от археологии. Установленное Марксом положение, что междуобщинный обмен исторически предшествовал развитию внутриобщинного обмена («К критике политической экономии», изд. 1930 г., стр. 72, 115 и др.; «Капитал», изд. 1930 г., т. III, ч. 1, стр. 128, 244 и др.), Б. Л. Богаевский подменяет схемой, в которой за стадией «внутриобщинного обмена» следует «развитие его с переходом на стадию междуобщинного обмена» (стр. 13, ср. табл. II).

Спорными являются рассуждения Б. Л. Богаевского о том, что якобы население Триполья «на высшем своем этапе развития только еще подходило к выработке племенных объединений, что осуществилось, однако, позднее и не на самом раннем этапе послетрипольской истории общества на Украине» (стр. 131), и что при наличии родов не существовало еще племен (во французском резюме—стр. 308); между тем, Энгельс («Происхождение семьи...», Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 69) говорит о фратриях, как о «первоначальных родах», «на которые сперва распалось племя». Сомнительными являются трактовка Б. Л. Богаевским явлений тотемизма и его замечания о «производственных родах» или утверждение, что роды Фабиев, Лентулов и Цицеронов в далекие времена были «к о н е ч н о» «производственно связаны с разведением бобов, чечевицы и гороха» (стр. 176).

Нельзя согласиться с цитированной мною в начале этой заметки рекомендацией, данной редактором книги О. Крюгером. Для археологов, в распоряжении которых имеются собранные в советские музеях новые материалы, книга Б. Л. Богаевского совершенно бесполезна, как игнорирующая эти материалы, а для историков едва ли могут быть полезными не обоснованные на фактах рассуждения Б. Л. Богаевского «о путях развития трипольского хозяйства», «о развитии внутриобщинного и междуобщинного обмена», «о процессе сложения раннего отцовского рода» и «о ниспровержении матриархата».

Не применяя никакого другого метода, кроме формального сравнения, подобно своим западноевропейским коллегам, Б. Л. Богаевский ничего, кроме абстрактных социологизаторских схем, не дает, ибо ничего другого при таком методе дать нельзя. И книга его поэтому (против воли автора) превратилась в орудие пропаганды взглядов зарубежных археологов, которые излагаются на протяжении всех глав книги. «Расист и формалист Вильке, и Шухардт, ставший фашистским «ученым», и Губерт Шмидт, и Шроллер, стоящий на резко выраженных миграционных и формально типологических позициях», и венгерский ученый типолог Лашло, и «реакционный исследователь Менгин, и его ученик Иенни», рассматривающие трипольский вопрос «с точки зрения антинаучной теории культурных кругов» (стр. 8), словом, все те «ученые», с которыми Б. Л. Богаевский якобы полемизирует, не будут в претензии на Б. Л. Богаевского за то, что он, подробно изложив их взгляды и к тому же в значительной степени перенеся их построения на наш трипольский материал, дал «от себя» такие же, как и у них, пустые, формально-социологизаторские схемы, вместо конкретных фактов по истории Трипольской культуры.

Т. Пассек

— Обзор иностранных журналов

American Journal of Archaeology, v. XLI, № I, January—March, 1937

При работах в связи с превращением Айя-Софии в Музей искусств были обнаружены остатки базилики, стоявшей до 532 г. на месте храма Софии. Этим открытиям посвящена статья S ven L a r s e n—A forerunner of Hajia Sophia.

F r a n c i s H e n r y T a y l o r посвящает заметку приобретенной Ворчестерским музеем стеле греческого воина V в. до н. э. (A fifth century stele in the Worcester Art Museum).

Сводку результатов раскопок в санджаке Александретты дает С. W. M e w u n—The Syrian expedition of the Oriental Institute. Обнаруженные строения, предметы искусства и т. д. охватывают период от IV тысячелетия до н. э. до 600 г. н. э. Находки представляют значительный интерес для истории Передней Азии.

Обширный отчет о пятой кампании раскопок в Трое, предпринятых университетом Цинциннати, дает C a r l W. B l e g e n—Excavations at Troy, 1936.

Новый порядок расположения надписей на пергамском пьедестале устанавливает E s t h e r V. H a u s e n—The great Victory monument of Attalus I.